

ФИЛИН Ф. П.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛЕКСИКИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Когда речь идет о становлении и развитии великорусского языка, нельзя определить его самобытность и оригинальность, не ответив на вопрос, чем он отличался от украинского и белорусского языков, происшедших из одного и того же источника — языка древнерусского. Фонетические и морфологические отличия между этими близкородственными языками более или менее описаны, а вот синтаксическое и лексическое их своеобразие пока остается малоизученным. Правда, имеется немало отдельных наблюдений и в этой области, однако такие наблюдения являются частными, разрозненными, и общую картину по ним представить еще нельзя. Для того, чтобы судить о специфике лексики каждого из восточнославянских языков, нужны капитальные словари этих языков XIV—XVII вв., которые позволили бы произвести сравнительный (или, как модно теперь говорить, контрастивный) анализ всей массы их зафиксированного словарного состава. Таких словарей еще нет. Пока что публикуются выпуски академического «Словаря русского языка XI—XVII вв.» (СлРЯ XI—XVII вв.), большая часть материалов которого приходится на великорусскую эпоху (XIV—XVII вв.). Будем надеяться, что выйдут в свет исторические словари украинского и белорусского языков, а это создаст фактическую базу для решения проблемы дифференциальных особенностей словарного состава восточнославянских языков первых веков их существования.

Все же и теперь положение не безнадежное после того, как был опубликован двухтомный «Словник староукраїнської мови XIV—XV ст.» (ССМ) под ред. Л. Л. Гумецкой и И. М. Керницкого (Киев, 1977—1978), который можно сравнивать со «Словарем русского языка XI—XVII вв.», делая некоторые предварительные выводы. Правда, СлРЯ XI—XVII вв. и украинский ССМ по своим источникам очень различны. Если в первом словаре представлены памятники многих жанров, причем и большие по объему, то во втором словаре использованы только краткие документы деловой письменности, включая и надгробные надписи (всего таких документов около 950, тогда как в русском словаре охвачено свыше 1900 памятников). При таких условиях мы должны ориентироваться на меньший словарь: что имеется в нем и чего нет в большом словаре, будем считать собственно украинизмами, отсутствовавшими в великорусском языке (с учетом показаний словарей современных восточнославянских литературных языков и диалектов). Отсутствие тех или иных слов в русском языке тоже является характерным, хотя и недостаточным показателем для лексики великорусского языка. Но и тщательное сравнение обоих словарей в полном их объеме — дело непосильное для одного исследователя, поэтому мы ограничиваемся только материалами на буквы Г и Д. Это все же лучше, чем ничего.

В ССМ на эти буквы я насчитал около 440 нарицательных слов (в СлРЯ XI—XVII вв. — 3987 словарных статей), что и послужит отправным моментом для наших подсчетов. Лексические расхождения между великорусским и староукраинским языками были различных типов, причем охватывали многие тематические разряды, частотность употребления слов тоже была неодинаковой. Сначала мы коснемся слов исконно восточнославян-

ских. Первым дифференциальным словом в ССМ является *gai* «гай — роща, небольшой лес» (< прасл. *gaŷь к *gojiti — каузатив к *žiti). Слово широко представлено в разных значениях в славянских языках. В словаре Срезневского оно подтверждено только примерами из двух грамот XIV в. юго-западного происхождения и Послания Игнатия Богослова XVII в. (тоже юго-западного памятника), в СлРЯ XI—XVII вв. — одной цитатой, содержание которой ясно указывает на тот же регион (А естли бы дома и хуторы, *gai*, сады... сѣножати и мѣста казацкия какую поруху и шкочу отъ ратныхъ людей поносили, тогда воеводы... наказанья чинити), в ССМ приводится 13 примеров (со словосочетаниями *лисичьи gai* и *сѣньеи gai*). В БАС перед словом *gai* стоит помета «обл.» без каких-либо цитатных подтверждений. В СРНГ *gai* в разных значениях фиксируется почти исключительно в южных и западных говорах. Говорящим на русском литературном языке оно теперь известно благодаря ассоциациям, связанным с жизнью на Украине (ср. в известной песне «Как под *гаем*, *гаем*, *гаем* зелененьким» и под.). В современных украинском и белорусском литературных языках и говорах слово обычно. Ср. еще производные укр. *га́йний*, *гайовий* «лесной», *гайок*, *гайочок* «рощица», «лесочек», *гайовік*, «леший» и др., которых нет в СРНГ. Такая география распространения *gai*, вероятно, связана с особенностями ландшафта Восточной Европы тех времен: ее север и центр были покрыты большими лесными массивами, а на юге часто встречались отдельные рощи. Переселенцы на север и восток не имели нужды в этом слове и забывали его. Нужно также учитывать и межъязыковые восточнославянские контакты, воздействие одних диалектов на другие.

Ганити «хулить, порицать, охаивать, бранить» и др. (< прасл. *ganiti, родственное с *gъnati, *goniti). В СлРЯ XI—XVII вв. слова нет. В СРНГ слово взято у Даля с пометой «южн.» и «зап.», в Псковском областном словаре *га́нить* «ожидать, представлять». В украинском и белорусском языках слово обычно. Оно известно также в западнославянских языках. Вероятно, мы имеем здесь дело с праславянским диалектным образованием северо-западной зоны, первоначальную изоглоссу которого точно установить пока невозможно.

Глинарь «тот, кто обмазывает хату глиной». Явно украинское новообразование, которое не сохранилось и в современном украинском литературном языке (оно не зафиксировано в одиннадцатитомном украинском словаре). В русских источниках не найдено.

Глоба «штраф, пеня, судебное взыскание», *глобник* «тот, кто собирает штрафы, судебные взыскания». Слова широко представлены в украинской деловой письменности XIV—XV вв. В этом же значении *глоба* известно в южнославянских языках, также молд. *глоабэ*, составляя балканско-украинский семантический ареал (ср. также н.-луж. *głoba* «стоимость, ценность»). По-видимому, лексическое значение этого слова возникло в южнославянской области и распространилось через молдавское посредство и в результате прямых контактов украинцев с южными славянами. В современном украинском языке его нет, не засвидетельствовано оно в древнерусской и великорусской письменности. В западнославянских языках и восточнославянских говорах (в том числе и русских) известно в иных значениях (ст.-польск. *głoba* «злость, злоба», в русских говорах «перекладина», «балка», «тропа, дорожка» и т. д.). Только в некоторых украинских диалектах сохранилось *глоба* «штраф, забота, несчастье». Такой разнобой в значениях вызывает серьезные этимологические затруднения. Все же, по О. Н. Трубачеву (ЭССЯ, 6, с. 131—133), *globa исконно праславянское слово с первичным значением глагола *globiti «рыть, грести, с силой нажимать». Когда образовались переносные значения отглагольного имени *globa, в том числе и «штраф», «пеня», остается неизвестным.

Головнос «штраф за убийство» (в грамоте XV в.). Производное от др.-русс. *головной* «относящийся к убийству», не зафиксированное в великорусской (и древнерусской) письменности. Ср. также в львовской грамоте 1443—1446 гг. *головнитство* в том же значении вместо др.-русс. *головничьство*. Это поздние новообразования на украинской почве.

Гольтади «безземельный сельский житель». Образование от *голь*.

В великорусских говорах *гультай* «бродяга, кочевник» связано с *гуляти*. В СлРЯ XI—XVII вв. *гультай* зафиксировано только в донских документах XVII—XVIII вв. В СРНГ имеется единичная фиксация: влад. *гольтай* «нищий» с семантическим сдвигом. Что касается *гультай* «бездельник, лентяй, гуляка» (переносные значения), то оно в основном распространено в юго-западных говорах.

Гороженіе «огороженный земельный участок». В СлРЯ XI—XVII вв. *гороженье* отмечено только в значении действия по глаголу *городити*. В БАС и СРНГ слово не отмечено.

Горшей «хуже» (сравн. степень) («Хто хотелъ бы кому лихо, вчинити собѣ горшей вдѣлаеть»). В русских источниках не зафиксировано.

Горщина «подать со свиней». То же только в юго-западной письменности.

Господства, господство только как титул молдавских князей, тогда как в СлРЯ XI—XVII вв. в разных значениях, не связанных с Молдавией.

Готовѣи «охотней» (в русских источниках не зафиксировано).

Граб «дерево граб». Это дерево распространялось с европейского юго-запада на северо-восток. По данным БСЭ (3-е изд.) в настоящее время восточной границей его распространения являются Днепр (исключая его верховья) и Западная Двина. Искусственные посадки теперь имеются и северо-восточнее. На территории Московской Руси оно не росло. Не отмечено оно и в письменности Древней Руси и впервые появляется в юго-западных документах XV в. Впрочем, названия населенных пунктов типа *Грабовецъ* (село в Галицкой земле) и др., вероятно, свидетельствуют о более раннем проникновении граба на западные окраины Древней Руси. Этимология слова остается невыясненной, хотя О. Н. Трубачев возводит его к праслав. отглагольному производному от *grebo, *grebti.

Грижати, грижати са «беспокоиться, заботиться». Современное укр. *грижа* «терзание», болг. *грижа се*. В русских источниках слова нет. Скорее всего от прасл. *gryzti, но с вторичным значением, хорошо известным в южнославянских языках. Возможно, что в украинском языке появилось в результате контактов с болгарами.

Гроза «кара, покарание» («а не испра(ви)ва судити намъ бѣ и честный кр(с)ть и осподарева казнь и гроза», 1386). Это общеславянское слово представлено в славянских языках в разных значениях: ужас, страх, угроза, гроза и др., связь между которыми очевидна. В староукраинском языке представлено значение, которое не отмечено в древнерусском и великорусском.

Гроунь «бугор, возвышенность» (из **grudъnъ(jь)* к *gruda). То же ст.-укр. семантическая особенность.

Гоуменник «название боярского чина». В СлРЯ XI—XVII вв. только в значении «место для гумна».

Даивати «давать, давать много раз». Ст.-укр. словообразовательная особенность. Любопытно, что в СРНГ отмечено пудож. (олон.) *даивати*, которое, по свидетельству Мансикки, свободно образуется в говоре (*даивать, плачивать*). Конечно, мы имеем тут дело с новообразованиями, возникшими на юге и на севере независимо друг от друга по определенной словообразовательной модели.

Данникъ «свободный крестьянин, владевший собственной землей и вместо военной службы обязанный платить подать, главным образом, натурой». В СлРЯ XI—XVII вв. в иных значениях: «тот, кто собирает дань, подать, пошлину», и «тот, кто платит дань, подать, пошлину» (цитата из Переясл. летописи под 1219 г.: «а се даници, дають Руси дань: чюдъ, мера, весь, мурома»). Ср. также *данина* «дар, подарок, пожалование». Слово распространено в ст.-укр. грамотах, тогда как в СлРЯ XI—XVII вв. отмечено один раз в Судном листе смоленского наместника 1496 г. Сюда же *дача* в тех же значениях, отмеченное в СлРЯ XI—XVII вв. в документах, связанных по содержанию с Украиной и Крымом.

Дбати «пренебрегать, не принимать во внимание» — обычное в ст.-укр. грамотах слово, которое отсутствует в словаре Срезневского и в

СлРЯ XI—XVII вв. В славянских языках, в том числе в украинском и белорусском, «крадеть, стараться, усердствовать» и пр. с положительным смыслом. Слово известно с близкими значениями и в русских говорах, но только в юго-западных. Вероятнее всего, изоглосса *дбати* передвигалась в северо-восточном направлении, но основную территорию великорусского языка не заняла. Из праславянского диалектного (отсутствует в южнославянской зоне) *dъbati, этимология которого затруднительна.

Пожалуй, приведенных примеров достаточно, чтобы утверждать, что великорусский и староукраинский языки заметно отличались друг от друга лексемами, значениями общих слов, производными образованиями собственно славянского происхождения. Некоторые из них восходят к праславянской старине, другие были наследием древнерусского языка, а часть оказалась украинскими новообразованиями. Не все староукраинизмы дошли до нашего времени, что вполне понятно. По моим подсчетам, таких староукраинских слов в ССМ на буквы *Г* и *Д*, не отмеченных в великорусских письменных источниках, вовсе неизвестных русскому языку или сохранившихся лишь в юго-западных говорах, оказалось 76, или 16% словарного состава на указанные буквы. Но дело этим не ограничивается. В староукраинском языке XIV—XV вв. становится заметным польское лексическое воздействие и через польское посредство западноевропейских языков, а также (в меньших размерах) молдавско-болгарское. Приведем здесь некоторые примеры.

Глеитъ «охранная грамота» из ст.-польск. *glejt*, ст.-чеш. *glejt* (из ср.-в.-нем. *geleite*), *лист глеитовный* «то же», *глеитовати* «гарантировать безопасность такой грамотой» (< ст.-польск. *glejtować*, ст.-чеш. *glestovati* < ср.-в.-нем. *gelejten*). В украинских грамотах XIV—XV вв. слова эти представлены достаточно широко.

Глодь из молд. *глод* «болото». Ср. также топонимы в Молдавии: *Глод* — название речки, *Глодья*, *Глодьяни* — названия селения.

Готовизна «наличные деньги, наличность их» < ст.-польск. *gotowizna* в том же значении.

Гофмистръ «гофмейстер» (ст.-польск. *hofmistrz*, ст.-чеш. *hofmistr* < ср.-в.-нем. *hovemeister*). В русском языке появляется только в XVIII в.

Гродъ «укрепленное место, крепость, город». Общеславянское слово предстало здесь в польском оформлении. *Нрозне* «сурово» (в Луцк. гр. 1388 г.) < ст.-польск. *hroznie*, ст.-чеш. *hrozne*.

Громници — название церковного праздника, также календарная дата < ст.-польск. *gromnice*, ст.-чеш. *hromnice*.

Грош (*грошъ*) «монета разной чеканки и разной стоимости» (< ст.-польск. *grosz*, ст.-чеш. *groš*, лат. *dēnārius grossus*), *гроши* «деньги», *грошик* «небольшой грош» (< ст.-польск. *grošik*, ст.-чеш. *grošik/hrošik*), *грошовый* «денежный». По свидетельству ССМ, слова эти были широко распространены в ст.-укр. языке с XIV в., сохраняются они и в современном украинском языке и с другими производными: *грошовитий* «имеющий много денег», *грошолоб*, *грошолобка* «сребролюбец, сребролюбка», еще *грошолобний*, *грошолобство*. В русском языке *грош* и др. появляются в XIV—XVI вв. только в документах, связанных с польскими делами, и лишь позже, в XVII в., слово начинает употребляться в письменности, содержание которой относится к местным делам. *Гроши* «деньги вообще» в СлРЯ XI—XVII вв. отсутствует. Это позднее заимствование.

Даскал «учитель» (молд. *даскал* «учитель» < греч. *διδάσκαλος*). В СлРЯ XI—XVII вв. на слово *даскал* приведена одна цитата в «Проскинитарии» Арсения Каллуда, напечатанном в Венеции в 1679 г. и переведенном на «славянский» язык монахом Евфимием в 1686 г.

Державца, *державця* «наместник, управляющий областью», «помощник старосты, ведавшего королевским имуществом». Явный полонизм, часто встречающийся в староукраинских грамотах. В современном украинском языке сохраняется как историзм *державець* «владелец, властитель», оформленный по-восточнославянски. Эта форма встречается и в русской письменности XVI—XVII вв.

Досвідчати «свидетельствовать, засвидетельствовать, удостоверять» (ст.-польск. *doświadczać*), *досвітчити* «довести до кого-либо; доказать» (ст.-польск. *doświadczyc*, ст.-чеш. *dosvědčiti*). В русском тоже нет.

Досятьвчинити «возместить, заплатить за причиненные убытки», *досять оучинение* «возмещение» (ст.-польск. *dosyc uczynii*, ст.-чеш. *činiti dosti*, *dosycuczynienie*, *dosti učinenie*). *Дооувати*, *дооуванье* «доверять, доверие» (ст.-польск. *doufać*, *doufanie*).

Дружь «дорога, шлях» (молд. *друм* «дорога»), с сочетаниями *дружь возни*, *дружь великыи*. В СлРЯ XI—XVII вв. отмечено один раз в Слове Мефодия Патарского (список 1345 г. южного происхождения), тогда как в украинских грамотах встречается неоднократно.

Дякло «подать натурою с урожая и иной прибыли в сельском хозяйстве, за исключением скота» (литов. *dūokle*, *dōkle*). *Дяковати* с производными (*подяжа* и др.) «благодарить». Совр. укр. *дякувати*. Из польск. *dziękować*, *dzięk*, *dzięka* «благодарить, благодарность» (< ср.-в.-нем. *danken*, *dank* с теми же значениями). В СлРЯ XI—XVII вв. приведены два примера из документов, связанных с Польшей и Западом. В СРНГ *дѣка* «благодарность», *дѣкати*, *дѣкати* «благодарить» и др., встречается в юго-западных говорах, подвергшихся воздействию украинского и белорусского языков. В географическом отношении интересно *дѣка* «благодарность» и в ветлуж. (костром.) говоре.

В ССМ таких заимствований, отсутствовавших в великорусском языке XIV—XVII вв. или нехарактерных для него, я насчитал (на буквы Г и Д) 62, или 14% словарного состава. Нужно отметить, что основной наплыв полонизмов в украинский и белорусский языки приходится на XVI—XVII вв., когда расхождения в лексике между восточнославянскими языками за счет собственных новообразований и заимствований заметно увеличиваются. Но уже и в XIV—XV вв. они были заметны. В староукраинских грамотах XIV—XV вв. мною обнаружено около 30% слов (на буквы Г и Д), которых не было в великорусском языке того же времени. Как известно, в деловой письменности по сравнению с другими жанрами письма народная речь отражается более полно, хотя между языком деловой литературы и устным народным языком не было тождества. Если бы мы имели возможность сравнить словарный состав всей староукраинской письменности (не только деловой) с лексикой великорусской письменности XIV—XV вв., результаты наших подсчетов несомненно были бы иными, так как тексты грамот ограничены как по своему объему, так и тематически. Великорусская и украинская письменности объединялись древнерусским книжным наследием, особенно в церковнославянской культурной сфере. Церковнославянский язык хотя и начал варьироваться у восточных славян, его древнеболгарская по происхождению лексика во многом продолжала сохраняться или обогащаться по свойственным ей словообразовательным моделям. Церковнославянский язык, не удовлетворяя всех культурных нужд русских, украинцев и белорусов, в то же время способствовал сохранению их общности и был важным средством борьбы за их самобытность в условиях захватнических и ассимиляторских устремлений польских панов. Известно, какую роль в этой борьбе играло православие, которое использовалось как щит сохранения своей восточнославянской самобытности украинцами и белорусами, а также пограничным русским населением. В староукраинских грамотах церковнославянизмов очень немного (исключение — христианские собственные имена). Ср. *глава* (старший в доме), *глаголемыи*, *госпожда* (наряду с *госпожа*), *град* (господствовала форма *город*), *даание* (*даяние*), *дание*, *доброволение*, *доброволие*, *добродание*, *добродѣство*, *дондеже*, *драгий*, *дрѣво*, *духовенство*, *дѣщи*, *дѣщерица*, *дѣлание*. Вот, пожалуй, и все слова с внешними признаками церковнославянизмов.

Если бы было проведено полное сравнение лексики всей оригинальной староукраинской письменности XIV—XV вв. с лексикой всех великорусских памятников того же времени (тоже оригинальных, а не списанных с южнославянских образцов), то удельный вес украинизмов, не свойственных великорусскому языку, оказался бы ниже, чем в языке староукраин-

ских грамот XIV—XV вв. Однако с окончательными выводами спешить не надо.

Во-первых, возникновение и рост дифференциальной лексики происходили в это время не менее интенсивно и в великорусском (как и в белорусском) языке, что существенно повышает специфику словарного состава языков. Во-вторых, в XIV—XVII вв. рост этот несомненно увеличился. Близкородственные восточнославянские языки, не порывая общности и контактов между собой, стали на пути самостоятельного развития. Это касается не только лексики с нарицательным значением, но и собственных имен. В частности, в великорусском языке заметно возрастают образования на *-ов (-ев)* и *-инь*. В ССМ на буквы *Г* и *Д* помещено около 560 собственных имен и производных от них (т. е. больше, чем имен нарицательных). В староукраинском языке возникают свои особенности. Ср. образования от имени *Григорий*: *Гринь*, *Гринько* (*Гринко*), *Гринковичь* (*Хринковичь*), *Гриць*, *Грицько*, *Гришко*, *Гринковцѣ* (название села в Подолии) и др. ССМ — один из важных источников для изучения ономастики Украины.

Заемствования в великорусском и других восточнославянских языках иногда толкуются превратно с целями отнюдь не научными. Еще недавно А. В. Исаченко и ему подобные пытались утверждать, что русский язык и русская культура поддались воздействию «дикой азиатчины», были изолированы от высокой западноевропейской культуры. Культура шла только с просвещенного Запада. Все подобного рода утверждения насквозь тенденциозны и ни в какой мере не соответствуют действительности. Конечно, монголо-татарское иго было тяжким испытанием для наших предков. Однако не все, что шло с Востока, представляло собой только одну дикость. Русь, стоявшая между Востоком и Западом, восприняла немало ценностей, в том числе и слов, из культуры тюркских народностей, имевшей свои древние традиции, из культуры Ирана и арабов (арабские слова попадали в русский язык главным образом через тюркское посредство). В то же время никогда не было разрыва с Западом. Еще задолго до Петра I в русский язык проникает множество слов (особенно в XVI—XVII вв., когда Русь становится могущественным государством) из западноевропейских языков, непосредственно или через польское посредство (ср. язык «Вестей-курантов» и многих других памятников литературы). Приток западноевропейизмов в русский литературный язык заметно преобладал по сравнению с тюркизмами. А куда относить церковнославянский язык, который играл большую роль в развитии и нашей речевой культуры, к «дикому» Востоку или «просвещенному» Западу? Всем хорошо известно, что церковнославянский язык русской редакции — прямой наследник старославянского (древнеболгарского) языка, а тот в свою очередь много унаследовал от византийской культуры, которая продолжала традиции великой средиземноморской культуры, соками которой питалась и продолжает питаться Западная Европа. Наука требует объективности и только объективности.

Не имея возможности сделать фронтальные лексические сравнения языков восточнославянских народов в их прошлом, обратимся к нашему времени, когда у нас появились разнообразные словари. Конечно, такой вынужденный выход за намеченные хронологические рамки выводит нас за пределы обозначенной в заглавии темы. И все же это лучше, чем ничего. Зная настоящее, мы можем проецировать его в прошлое. Если предположительно в начале становления восточнославянских языков расхождения между ними касались около трети их словарного состава, то каково положение дел в настоящее время? Ведущим средством общения между членами нации является теперь полифункциональный литературный язык. Диалектная речь отступает на задний план. Замечено, что лексических расхождений между восточнославянскими языками заметно меньше на диалектном уровне, чем на уровне их литературных языков. Это вполне понятно: литературные языки национальной эпохи в своем словарно-семантическом составе неизмеримо богаче любого местного говора, поэтому в них имеется гораздо больше дифференциальных признаков. Впрочем, нужно учитывать такие сближающие их факторы, как роль русского язы-

ка как средства межнационального общения, а также воздействие на русский язык близкородственных украинского и белорусского языков.

Для сравнения наиболее удобны академические двуязычные словари. Мною взят обстоятельный «Українсько-російський словник» в шести томах (Киев, 1953—1963, гл. ред. И. М. Кириченко) (далее — УРС). В словаре помещено 121 700 украинских слов с их русскими соответствиями. Если вычесть собственные имена, которые составляют примерно 8% словника, то названный словарь немногим меньше по количеству слов 17-томного ССРЛЯ. Что для нас в данном случае очень важно, украинские слова не толкуются описательно по-русски, а сопровождаются русскими однозначными или близкими по своему значению лексемами (когда объем значений украинских и русских слов не совпадает, дается несколько русских синонимов). Словарные статьи в необходимых случаях сопровождаются стилистическими пометами, в них имеются краткие иллюстрации. Разаумеется, одному человеку не под силу сделать анализ всей этой массы слов, поэтому мною взяты только слова на букву Г. Их всего оказалось 3217, из них нарицательных 2971.

Конечно, общность словарного состава обоих близкородственных языков очевидна, но она разного происхождения. Среди общих слов заметную долю составляют интернационализмы, т. е. слова, заимствованные в национальную эпоху, среди них много специальных терминов науки и культуры, которые в значительной своей части вошли в словарный состав украинского языка из русского источника. По своим значениям они, как правило, совпадают с русскими словами, в ряде случаев отличаясь от них своим произношением, а в производных образованиях и суффиксами. Ср. *габардин* (франц. *gabardine*), *габардиновый* (*габардиновий*), *габарит* (франц. *gabarit*), *габитус* (*габитус*), *гавань* (голл. *haven* заимствование петровского времени), *гавот* (франц. *gavotte*) «танец», *газета* с производными (в русском нет укр. *газетяр*, *газетярка* «газетчик, газетчица»), *газификация* (*газифікація*), *газифицированный*, *газифицировать*, *газифицироваться*, *газовщик* (в укр. с суффиксальными отличиями *газифікваній*, *газифікувати*, *газифікуватися*, *газівник*), *газокалильный* (в укр. с иным элементом составного слова *газожарбовий*) и прочие образования с *газ-*, *газон* (франц. *gazon* «дёрн, газон», в русском первая фиксация в 1708 г.), *галактика*, *галактический* (*галактійний*), *галерея*, *галета*, *галифе* (*галіфе*), *галоп*, *галопом*, *галопировать* (*галопувати*), *галстук*, *галстучный* (*гастукбовий*), *галёрка* (*гальорка*), *гангстер*, *гандбол* и мн. др. В отдельных случаях в украинском языке появляются производные, которых нет в русском (ср. *галёрник* — в русск. *раёшник*). Слов позднего интернационального происхождения, по моим подсчетам, оказалось 790, или свыше 20% всех нарицательных слов на букву Г. На другие буквы их, вероятно, будет значительно меньше, а на буквы А и Ф заметно больше 20%. Но в целом таких заимствований имеется несомненно меньше 20%. Анализ приведенных выше слов представляет большой интерес для истории лексики русского и украинского национальных языков, но к словарному составу великорусского и староукраинского языка прямого отношения не имеет; их надо было вычесть из словарного состава обоих языков, чтобы перейти к анализу основной массы лексики.

Различия между языками имеют общественно-функциональное значение. С этой точки зрения можно делить слова по степени их понимания или непонимания лицами разных, хотя и близкородственных национальностей. К непонятным словам (вне контекста или даже в контексте) относятся лексемы с разными корнями или однокоренные, но настолько изменившиеся, что представители другой национальности их не узнают и не понимают (ср. однокоренные по происхождению русск. *туловище* и укр. *тулуб*, в др.-русск. языке *тулово*; любопытно, что один известный языковед, украинец по национальности, владеющий разговорным украинским языком, но проживший всю жизнь в русской среде, читая украинский журнал, не понял слова *тулуб*; что же говорить о русских, не знающих украинского языка). Поэтому мы сначала выделим слова, разнокорневые (исконные или заимствованные в разное время) или так видоизменившиеся, что они оказываются

ся непонятными для лиц, не владеющих обоими языками. Укр. *гáва* «ворона, перен. «зевака» с производными *гавеня́*, *гавеня́тко* «вороненок». *гáвин* «вороний», *гáвити* «зевать»; в русских говорах (СРНГ) есть *гáвка* «гага, особая порода уток» и др. (звукоподражание праславянской эпохи) — русск. *ворбна* с многочисленными производными известно и в украинском языке.

Укр. *га́дка* «мысль, предположение, предпосылка», *га́дкува́ти* «размышлять, мыслить», *га́донька* «думушка» (к *гадати*; в некоторых южно-великорусских говорах *га́дка* «забота, дума, мысль, предположение») — русск. *дога́дка* и пр. по семантике близко, но не совпадает с укр. словом (в укр. есть и *дога́дка* и пр.). Слова гнезда *га́дка* непонятны для русского, не знающего украинского языка.

Га́йворон «грач», иногда «ворон», *га́йвороня* «грачи», *гайвороня́*, *гайвороня́тко* «грачонок», *гайворонячий* «грачинный» (в русских говорах очень редко *га́йворон*. *гра́йворон*) — русск. *грач*, *грачонок*, *грачи́ный* (укр. *грач*, *грач* менее употребительны, чем *га́йворон*). *Гайнува́ти(ся)* «тратить(ся), растрчивать(ся), мотать, проматывать(ся), спускать, расточать», *гайнува́ння* «трата, мотовство, расточительство» — в русск. *тра́та*, *тра́тить(ся)*, *прома́тывать*, *мотовств* и другие синонимы. Укр. *гайнува́ти(ся)* и пр. имеет свои синонимы — пример синонимических расхождений близкородственных языков. Ср. еще *га́лас* «шум, нестройный гул голосов, галдеж, шумиха», *галаса́ти* «кричать (на кого-либо)»; *галасува́ти* «галдеть, шуметь, вопить» и другие производные — в русском значении этих слов передаются разными лексемами. *Гали́ти* — *торопи́ть*, *гали́тися* — *торопи́ться*, *спеши́ть* и т. д. и т. п. Таких слов на букву Г мною насчитано около 750, или 25% словника УРС. Однако эта цифра весьма относительна. Более точные сведения мы получили бы от русского интеллигента, не знающего украинского языка, который, читая украинские тексты, вынужден был бы заглядывать в украинско-русский словарь. Ведь многие украинские слова имеют неодинаковые объемы значений и способы употребления, фонетические и морфолого-словообразовательные оформления, что играет немаловажную роль в понимании текста. Особенно это относится к пониманию устной украинской литературной речи. Ср. *грязелі́к і́рня* «грязелечебница» (особенно *грязелі́кува́льний* «грязелечебный», *грязелі́кува́ння* «грязелечение»), *громо́віди́д* «громоотвод», *гря́кою́й* «землепашец», *грабі́жник* «грабитель», *гостри́ти* «точить», *гостри́льник* «точильщик». *гости́на* «пребывание в гостях, посещение», *горбо́ддя* «огороды» и мн. др. Русский, не знающий украинского языка, «споткнется», встретив такие слова. Корни этих слов общие с русскими словами, что то проглядывает похожее, знакомое, а вот что именно, не ясно или не очень ясно, что затрудняет понимание. Однажды в Киеве мне пришлось встретиться с курьезным случаем: в гостинице при заполнении анкеты служащая украинка спрашивает приезжего «*відкі́ль?*» (буквально *отко́ль* «откуда»), а приезжий, подумав, отвечает: «Петров», полагая, что у него спрашивают его фамилию.

Только сравнительно небольшой слой русских и украинских слов полностью совпадает друг с другом: *гли́на* — *гли́на*, *гла́дити* — *гла́дить*, *гладь* — *гладь*. *ги́бель* — *ги́бель*, *горя́чий* — *горя́чий*, *га́дюка* — *га́дюка* и др., но и в этих случаях степень употребительности слов не всегда одинакова. Ср. *збро́д* — *збро́д* (в укр. яз. обычно *мі́сто*, а *збро́д* встречается редко).

Те же трудности представляет и лексика русского языка для украинцев, совсем не владеющих русским языком, хотя бы пассивно (правда, таких украинцев теперь немного, поскольку русский язык как средство межнационального общения широко распространен на Украине, преподается в украинских школах). Ср. русск. *звоздь* — укр. *цвях*, *звіздок*; *глава́рь* — *ватажко́к*, *прово́дир*; *гла́бл* (грам.) — *дієсло́во*; *глаз* — *о́ко*; *глазё́нки* — *оченя́та*; *глупе́ть* — *дурні́ти*; *год* — *рі́к*; *гре́за* — *мрі́я*, *гробя́кий* — *голосні́й*; *гучні́й*, *гру́да* — *ку́па* и т. д. и т. п. Русско-украинское соотношение в лексике в общем такое же, как и украинско-русское. Правда, тут нужно учитывать, что в XIX—XX вв. имело место значитель-

ное влияние русского языка на украинский, гораздо большее, чем украинского на русский (в конце XVI в. и в XVII в., наоборот, преобладало украинское воздействие). Остается несомненным одно: лексико-семантические особенности русского и украинского языков стоят на языковом, а не диалектном уровне. Правда, нам известные языки, диалекты которых настолько разошлись между собой, что их носители вовсе не понимают друг друга, а языки все же не распадаются на отдельные самостоятельные единицы (ср. диалекты немецкого или китайского языков). Однако, когда речь идет о народе или нации, нужно учитывать, кроме лингвистического признака, и другие их общественно-исторические особенности, в частности, осознание членами этих этнических единиц своей особенности, отдельной общности. У близкородственных восточных славян до сих пор живо представление об их общем происхождении и в то же время четко сложилось понимание своей этнической самостоятельности. В течение ряда столетий достаточно ясно они отличают друг друга и по языку. Оригинальность и самобытность их языковых систем очевидна. Сняв поздние заимствования и новообразования эпохи наций, исследователи получают в лексике современных восточнославянских языков богатейшие материалы для реконструкции словарного состава русского, украинского и белорусского языков времени их донационального возникновения и развития (начиная примерно в XIII—XIV вв.). Можно с большей или меньшей уверенностью предполагать, что важнейшие лексико-семантические (как и фонетико-морфологические) отличия между восточнославянскими языками сложились в XIII—XIV—XVII столетиях. Для того, чтобы конкретно представить себе своеобразие лексико-семантической системы языка великорусского народа (как и языков украинского и белорусского народов), нужны обширные исследования не только материалов, заключенных в нем самом, но и всесторонние историко-сопоставительные работы, без которых невозможно полное описание этой системы, ее становления и развития. Конечно, масштабы таких исследований очень велики, и выполнены они могут быть еще не скоро.

Выше у нас шла речь о русско-украинских лексических взаимоотношениях. Не меньший интерес представляет и русско-белорусское словарное своеобразие. И здесь мы берем словари литературного языка. Функционально литературный язык представляет собой одну языковую единицу, как и отдельный говор (а не совокупность всех говоров), с той, конечно, огромной разницей, что он является ведущим средством общения всей нации и неизмеримо богаче любого говора, тогда как говор — средство общения региональной группы людей. Конечно, говоры в целом содержат в себе богатые материалы для изучения лексики языков восточнославянских народов донациональной эпохи, но сводные диалектологические словари украинского и белорусского языков еще не составляются (а в них имеется огромная потребность) и сводный «Словарь русских народных говоров» еще не с чем сопоставлять, поэтому мы пока ограничиваемся сравнением словарей литературных языков.

Самым большим словарем белорусского литературного языка является пятитомный «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» под ред. К. К. Атраховича (Кондрата Крапивы) — далее ТСБМ (1-й том издан в Минске в 1977; 4-ый — в 1980; 5-й том должен выйти в свет в ближайшее время). В этом словаре на букву Г помещено около 2000 слов. Интернациональных, известных и в русском языке, заимствованных из греческого, латинского и западноевропейских языков, слов с их белорусскими производными оказалось много — около 700, или около 30% всего словника, т. е. заметно больше, чем в украинско-русском словаре. Объясняется это разными причинами. Во-первых, ростом интернациональной лексики, в том числе влияющей в литературный язык из специальной терминологии, за последние двадцать пять лет (1-й том УРС вышел в 1953 г., а 2-й том ТСБМ — в 1978 г.). Во-вторых, неодинаковым подходом составителей указанных словарей к показу производных слов. Ср. белорусск. *гідрافізіка*, *газаніць* и т. п., которые отсутствуют в украинско-русском словаре (в одиннадцатитомном толковом словаре эти слова обычно уже имеются: *гідрофі-*

зика, газоніти и т. д.). Надо полагать, что на другие буквы (за исключением немногих) удельный вес заимствований заметно меньше, чем на Г, и примерно одинаков, как в русском и украинском языках. Кроме того, большинство слов такого рода является в восточнославянских языках новообразованиями по восточнославянским словообразовательным моделям.

В белорусском словарном составе, как и в украинском, имеются слова, не свойственные русскому языку (корнеосновы разного происхождения, исконославянские и заимствованные, слова с другим объемом значений и разным префиксально-суффиксальным оформлением, не говоря уже о специфике их звукового облика, разной частотности и специфике употребления в тексте). Такие слова составляют большую часть словарного состава белорусского языка, хотя их меньше, чем в украинском языке. Приведем здесь некоторые примеры. *Гаворка* «разговор, разговоры, говор» и др. значения (в СРНГ это слово с его значениями отмечено в смоленских, тверских, всковских и некоторых других западных говорах); *гадаваць* «растить, вырачивать, воспитывать, отрачивать» (в СРНГ с другими значениями «жить, проживать, праздно проводить время, бездельничать», а со значениями, имеющимися в белорусском языке, слово выделено как омоним и фиксируется в западных и некоторых южновеликорусских говорах); *гáлас* «гам, галдеж, нестройный разговор» (отмечено только у Даля *галас* как южное); *галган* «голодранец»; *ганёбны* «постыдный, подлый, предосудительный» с производными; *глеба* «почва» с производными (*глебаапрацабўчы* «почвообрабатывающий», *глебаахоўны* «почвозащитный», *глебавы* «почвенный» и др.); *глея* «ил, вязкая глинистая почва» (СРНГ — западные и отчасти южновеликорусские говоры); *гук* «звук» (*гукаві* «звуковой», *гукааператар* «звукооператор», *гуказапіс* «звукозапись» и другие слова с *гук*, которых в ТСБМ помещено 33; в СРНГ несколько диалектных слов с *гук* — занимают широкую полосу западных и юго-западных говоров) и мн. др. Таких слов достаточно, чтобы серьезно затруднить понимание белорусской речи у русского, не владеющего белорусским языком (беглая устная речь окажется почти непонятной).

В то же время, в отличие от украинского языка, в белорусском литературном языке имеется довольно большой лексический запас, совпадающий или почти полностью совпадающий с соответствующими русскими словами: *гаварыць* — *говорить*, *гаварлівы* (имеется и *гаваркі*, чего нет в русском) — *говорливый*, *гаварун* — *говорун*, *гаварыльня* — *говорильня*, *гаварэнне* — *говоренье* и др., *гадаць* — *гадать*, *гаданне* — *гаданье*, *галавакружны* — *головокружительный*, *галавакружэнне* — *головокружение*, *галаваломка* — *головоломка*, *галаваногі* — *головоногий*, *галаварэз* — *головорез*, *галавасты* — *головастый*, *галавацяп* — *головотяп*, *галавацяпскі* — *головотяпский*, *галавацяпства* — *головотяпство* и т. д. и т. п. Часть этих слов является общим древнерусским наследством и общими поздними новообразованиями, а другая часть — результат воздействия русского языка.

Большой интерес представляет сравнительное изучение украинской и белорусской лексики, в чем сходятся и расходятся между собой восточнославянские языки как в их прошлом, так и настоящем. Что касается прошлого (донациональной эпохи), то предстоит еще прежде всего создание и публикация капитальных исторических словарей, без которых нельзя охватить развитие словарного состава восточнославянских языков в целом. Изучение их настоящего состояния гораздо доступнее, поскольку мы имеем обстоятельные словари, толковые и двуязычные. Из двуязычных словарей следует отметить украинско-белорусский словарь В. П. Лемтюговой (Минск, 1980). Правда, по объему словарь В. П. Лемтюговой меньше словарей, которые мы использовали выше, и не имеет иллюстраций, но о соотношении в лексике украинского и белорусского (также и русского) литературных языков по нему судить можно, хотя этих данных и недостаточно. На буквы Г и Д в словаре В. П. Лемтюговой помещено около 1450 слов. Нужно иметь в виду, что сознательно или несознательно автор словаря отбирал дифференциальную лексику и меньшее внимание уделил лексике общей, что диктовалось практическими целями словаря.

Удельный вес слов, отличающий украинский язык от белорусского, оказался достаточно велик. Ср. *габѣлжвий* — *апбйжавы* «из телячьей кожи» (русск. *опбйковый*), *габѣлок* — *апойка*, «телячья кожа» (В СРНГ *габѣлок* курск., юго-зап.), *гѣва* — *варбна* (СРНГ — курск., южн.), *гавеня* — *вараня*, *варанѣ* (СРНГ — нет), *гѣвин*, *гѣв'ячий* — *варанячы*, *варонін*, *гѣвити* — *зѣваць* (СРНГ — укр. слова не отмечены), *гавкун* — разг. *сабака* (СРНГ — нет, далее в тех случаях, когда в русском языке украинизмы и соответствующие белорусизмы отсутствуют, указания на это даваться не будут), *гадѣти* (и производные) — *дўмаць*, *раздўмаць*, *маркаваць* (СРНГ — *гѣдка* «забота, дума, мысль, предположение», курск.), *гѣйворон* — *грак* (*грак* есть и в укр.; СРНГ — зап. и южновеликорус. говоры), *гайнѣ* — *гной*, *кал*, *беспарадак* (обл. *гайна*, СРНГ — *гайно* и *гайнѣ* в различных говорах и в разных значениях), *галўза* (отросток от ствола, дерева, куста) — *гѣлява*, *гѣлявина* — *паляна*, *гальмѣ* — *тѣрмаз*, *гальмовый* — *тармазны*, *гальмувати* — *тармазиць* (и все другие производные), *гаптувати* — *вышиваць*, *гармаш* — *пушкар*, *артылерыст*, *гѣрний* — *прыгѣжы*, *дѣбры*, *харѣшы* (СРНГ — *гѣрний* в разных говорах, преимущественно в южновеликорусских, *гѣрно* и др. с близкими украинскому слову значениями), *гѣсло* — *лѣзунг*, *сѣгнал*; *гѣдзь*, *гѣдз* — *авадзѣнь*, *сляпѣнь*, *гѣлгѣти*, *гѣлгѣти* — *гагатаць* (о гусях), *гѣдний* — *вѣрты*, *гѣдны*, *гѣтай* — *мираѣд*, *жывагѣт*, *гѣлзи* — *насмѣшки*, *кпѣны* (*кпѣны* — полонизм) (СРНГ — *гѣзы* и *кпѣны* нет, отмечено смол. *кпѣць* «насмехаться»), *голомѣзий* — *лѣсы*, *пляшывы* (СРНГ — *голомѣзий* «плешивый», зап., красnodар.), *грозѣ* — *навальница*, *бўра* (белорусск. *гразѣ* «то, что наводит страх, ужас»).

В большинстве случаев, когда В. П. Лемтюгова приводит лексические расхождения между украинским и белорусским языками, белорусизмы совпадают полностью или частично с русскими словами, хотя имеются и обратные случаи (ср. *грозѣ* — *навальница*). Немало имеется и примеров украинско-белорусских схождений, вовсе не свойственных русскому языку или нашедших свое отражение только в его говорах (преимущественно юго-западных: *мѣва* — *язык*, *гѣдѣ*, *гѣдзѣ* — *конец* «все, дальше нельзя», *рачунѣк*, *рачунѣк* — *счет* и другие слова, *лѣгѣдний*, *лѣгѣдны* — *крѣткий*, *спокойный* и другие слова), и многие другие такого же рода схождения и расхождения.

Поскольку в однотомных двуязычных словарях в первую очередь отбирается лексика, отличающая один язык от другого, следует посмотреть не только украинско-русские, белорусско-русские, белорусско-украинские, но и русско-украинские, и русско-белорусские словари. В «Русско-украинском словаре» под ред. М. Я. Калиновича (М., 1948) содержится 80 000 слов, из них на буквы *Г* и *Д* приходится около 4 000 слов, не считая собственных имен и производных от них. Нужно заметить, что составители словаря заметно тяготели к включению в украинские слова русизмов, что выявляется при сопоставлении этого лексикографического труда с шеститомным украинско-русским словарем и одиннадцатитомным толковым словарем украинского языка. И все же, если не учитывать интернационализмы и слова, обозначающие явления современной культуры, где приток русизмов в украинский язык особенно заметен, свыше половины украинской лексики отсутствует в русском литературном языке: *гадѣлка* — *ворѣжка*, *гадѣтельно* — *здогѣдно*, *непѣвно*, *гадѣсть* — *гадѣта*, *гѣер* — *блѣзень*, *гѣерничать* — *блѣзнувати*, *галдѣж* — *гѣлас*, *гѣмир*, *галдѣть* — *галасувати*, *гвоздь* — *цѣях*, *гѣбкий* — *гнучкий*, *главарь* — *ватажѣк*, *проводѣр*, *гѣпный* — *дурный*, *годовѣй* — *рѣчмый*, *реже роковой*, *голубѣй* — *блакитный*, *горючее* — *пальнѣ*, *госпѣдствовать* — *панувати*, *гриб* — *гўба*, *грѣмкий* — *голосный*, *гучный*, *грязнить* — *бруднити*, *гумѣ* (о постройке) — *стѣбла*, *густера* (рыба) — *плоскирка*, *плоскиря*, *дѣбы* — *щѣб*, *дѣже* — *навѣть*, *длина* — *довжина* и многие другие.

В однотомном «Русско-белорусском словаре» (М., 1953) содержится 86 000 слов. Удельный вес слов, общих с русским языком, в нем больше, чем в указанном выше «Русско-украинском словаре», хотя, пожалуй, около половины составляют слова, которых нет в русском литературном языке.

ке (*глазнік — вѣчнік, глашатай — вяшчальнік, гражданін — грамадзянін, гребец — вясляр, гробкіі — гўчны, мѣцны, громада — гмах, громыхаць — грукатаць, даже — нават, двігатель — рухавік, дѣло — справа, дешэвыі — тѣнны, диван — канѣпа, довесіць — даважыць, дблжен — вѣнен, павѣнен* и мн. др.).

Конечно, наши подсчеты относительны и должны уточняться, но мы не ошибемся, если скажем, что белорусский язык по своим словарным особенностям стоит ближе к русскому языку, чем украинский, занимая среди восточнославянских языков срединное место. Однако и его особенности (в сочетании с фонетико-грамматической спецификой) таковы, что русский, не владеющий белорусским языком, с трудом понимает (а то и вовсе не понимает) беглую белорусскую литературную речь. Недаром существуют переводы с белорусского языка (особенно замечательной художественной литературы) на русский. Если говорить об известной близости украинской и белорусской лексики, то она имеет разное происхождение: 1) унаследование от древнерусского языка юго-западных диалектных особенностей, 2) общность словообразования на основе древнерусского лексического фонда, отличавшаяся от русских новообразований, 3) заметный слой полонизмов, всестороннее и строго объективное исследование которого еще предстоит выполнить, и, конечно, мы никогда не должны забывать о лексической близости восточнославянских языков, прямой и видоизмененной.

Двуязычные словари, удобные для сравнения, в то же время имеют свои недостатки: обычно они кратки, имеют мало иллюстраций или вовсе их не имеют, что затрудняет установление семантической совокупности, заключающейся в каждом сопоставляемом слове, более уязвимы в отборе слов. Более надежными источниками являются большие академические одноязычные толковые словари, хотя сопоставительная работа и здесь имеет свои трудности. Нужно испробовать и этот путь сравнения. Сначала мы возьмем первые 500 слов из «Словника української мови» (Киев, 1970—1980, далее — СУМ) на букву Г и сопоставим их с соответствующей частью ССРЛЯ. В этот отрезок входят слова *га* — *гарбузвий*. В ССРЛЯ до *гарб-* оказалось 225 слов — более, чем вдвое меньше, чем в СУМ. Интернационализмов и совпадающих в обоих словарях производных от них в СУМ оказалось около 150 слов (22% словника), а в ССРЛЯ около 135 слов (или более половины словника). Такое различие между этими словарями вызвано разными причинами: скупостью подачи в ССРЛЯ исконных слов, широким привлечением в этом словаре производных от западноевропейских заимствований и др. Интернационализмы распределяются по буквам алфавита и по их отдельным частям очень неравномерно. На *га-* их оказалось очень много. По своим значениям и употреблением в русском и украинском языках они, в общем, совпадают, однако имеются различия в их словообразовании: *газонпронікній* — *газонпроницаемий*, *газонпронікність* — *газонпроницаемость*, *газопровідник* — *газопровідчик*, *галопувати* — *галопировать*, *гальванізувати* — *гальванізувати* (возможно и *гальванізувати*), *гарантований* — *гарантированный* и др. Интернационализмы объединяют восточнославянские языки. Но они явление позднее. Объединяют их издревле и в процессе совместного существования слова древнерусской эпохи и общие производные от них. Слов этой категории, более или менее совпадающих по своим значениям (или вовсе семантически тождественных) я насчитал 55 (11%), ср. звукоподражательные *гав*, *гавкати*, *гавкання* (= *гавканье*), *гагара*, *гагάρка*, *гад*, *гадати* «ворожить (=гадать)», *гадина*, *гадюка*, *гадючка*, *гадючник*, *гайка*, *гаечка*, *гак*, *гакати*, *гакнути* (*гакать*, *гакнуть*), *галька*, *галушка*, *галушечка* (в русском из украинского), *галька*, *гамуз*, *гамузом* и др. Остальную часть лексики можно разбить на группы: 1) слова с общим корнесловом, но разошедшиеся по своим значениям, 2) слова, вовсе отсутствующие в русском литературном языке.

К первой группе относятся такие, как *гадати* «думать, размышлять, полагать и пр.», *гарбзд* «счастье, благополучие», *гблас* «шум», *галасливий* «шумливый, шумный», *галасувати* «шуметь, галдеть, вопить» и др.

Хотя в этой лексической группе имеется иное, чем в русском, оформление, все же у русского они вызывают какие-то ассоциации со своими словами. Большая же часть слов этого отрезка словаря остается неизвестной: *гáва* «ворона», *гаволбв* «бездельник», *гáзда* «хозяин», *газдíня* «хозяйка», *газдувати* «хозяйничать», *гайнúти* «быстро побежать, помчаться», *гамбн* «кожаная сумочка для денег» и т. п.

Совершенно другое соотношение лексических слоев мы обнаружим в других частях словаря. Возьмем отрезок на Ж — *жирондúст*. В СУМ в нем содержится описание 500 слов, а в ССРЛЯ 660 (сказался переход от полугнездового способа расположения слов к строго алфавитному, что позволило составителям уделять больше внимания производным словам: на самом деле слов должно было быть больше, если бы учитывались все сложносоставные слова с исходным начальным производным типа *жиро...*, при которых приводится четыре-пять примеров, после которых ставится «и т. п.»).

Интернационализмы греко-латинского и западноевропейского происхождения в этой части словарей единичны. В СУМ: *жакáрдвий* «такой, который служит для изготовления тканей с особо сложным рисунком» (в ССРЛЯ нет). *жакéт*, *жакéтик*, *жакéтка*, *жалюзí*, *жалюзíйний*, *жандáрм*, *жандармéрия*, *жандáрмський*, *жанр*, *жанрúст*, *жáнровий*, *жантíльний*, *жаргóн*, *жаргонíзм*, *жаргóнный*, *жасмíн*, *жасмíнный*, *жасмíновий*, *желатíн*, *желатíна*, *желатíновый*, *желé*, *женьшéнь*, *жест*, *жестикулóвáння*, *жестикулóвати*, *жестикулáційний*, *жестикулáція*, *жетóн*, *жéклéр* (в ССРЛЯ нет), *жирандóль*, *жирáф*, *жирáфа*, *жирáф'ячий*, *жироскóп* (*гíроскóп*), *жирóнда*, *жирондúст* — всего 38 слов, включая и производные, образованные на восточнославянской почве, или 7,6% словника. Примерно то же соотношение интернационализмов к словарному составу и в ССРЛЯ, в котором есть несколько слов, отсутствующих в СУМ. Очень немного слов имеется в СУМ, которых вовсе нет в ССРЛЯ (в русском литературном языке). Ср.: *жарт* «шутка, балагурство» (< польск. *żart*) с производными, *жесбрáк* «вищий» (< польск. *żebroak*) с производными и некоторые другие.

Основная масса различий между русским и украинским литературными языками приходится на словообразовательные семантические отличия: *жадáний* «долгожданный, милый, дорогой», *жадíбний* «жадный, алчный, желающий пить», *жадли́вий* «то же» (*жадний* употребляется редко), *жалкувати* «жалеть, сетовать на кого-либо» и т. п. Конечно, такие расхождения (а их много) тоже вызывают затруднения в понимании украинской речи русскими.

Приведенные выше сравнения являются всего лишь пробами, предварительными опытами. Лексические особенности восточнославянских языков в их прошлом и настоящем могут считаться установленными только при условии полного и всестороннего сравнения их словарного состава как литературных языков, так и диалектов и иных разновидностей речи. Не следует забывать, что слова живут не вне контекстов их употребления, по-своему представлены в словосочетаниях и фразеологии, имеют разные оттенки значений, далеко не всегда одинаково в парадигматическом плане составляют лексико-семантические группы, нередко в отдельных языках и диалектах имеют разную стилистическую окраску, неодинаковую частотность и т. д. и т. п. Можно уstraшитьсь поистине безграничного объема предстоящих исследований в этой области. Конечно, такая всеобъемлющая и обобщающая работа не может быть выполнена в ближайшее время, а может быть, и никогда, поскольку объектов исследования мы имеем здесь бесчисленное множество, словарный состав постоянно пополняется и видоизменяется. И все же, и теперь мы можем хотя бы приблизительно установить некоторые важные лексико-семантические особенности исторического развития восточнославянских языков и их современного состояния, унаследованную от древнерусской эпохи общность и приобретения в ходе истории, специфику каждого из близкородственных языков, без которых их бы и не было.